

въ числѣ этого—и на самый талантъ свой, который и оказался въ его глазахъ чѣмъ-то «грѣховнымъ», не соответствующимъ его теперешнимъ высокимъ цѣлямъ внутренняго самосовершенствованія, въ которомъ на первомъ планѣ—*душа* человѣка, ея изученіе... И вотъ, Гоголь начинаетъ изучать эту душу, и пресерьезно посвящаетъ всехъ въ свои открытія, и начинаетъ уже проповѣднически видѣть красоту этой души даже тамъ, гдѣ нѣтъ и признаковъ не только красоты, но и самой души: появляются «божественные помѣщики», «божественные откупщики», «выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»...

Страннымъ здѣсь можетъ показаться лишь одно, если имѣть въ виду при этомъ дѣйствительныя свойства такого именно рода таланта, какимъ обладалъ Гоголь и который общалъ въ немъ будущаго гениальнаго сатирика: этотъ послѣдній, обыкновенно, какъ мы увѣрены, тѣмъ способнѣе становится къ проявленію присущихъ ему свойствъ смѣха, какъ орудія, чѣмъ самъ болѣе успѣваетъ приблизиться къ намѣченному идеалу личнаго развитія, и самая сатира, въ этомъ смыслѣ, есть ничто иное, въ нашихъ глазахъ, какъ выраженный субъективный протестъ нравственнаго чувства противъ замѣченнаго несоотвѣтствія между требованіями нравственнаго, нормальнаго идеала и конкретнымъ случаемъ отступленія отъ него. Какимъ же образомъ, спрашивается, вышло съ Гоголемъ обратное, т. е. что у него, по мѣрѣ его собственнаго поступательнаго движенія, этического развитія, отрицательная сторона его таланта не только не выигрывала, но даже, въ концѣ концовъ, уступала мѣсто лживой идеализаціи явленій, именно требовавшихъ отрицательнаго къ себѣ отношенія сатирика? Объясненія этому мы должны искать все въ той же «запоздалости» этого развитія. Чтобы получить опять способность творить такъ, какъ